

ние языческого божества, ср. коми *вежа* 'священный, святой'); Ф. Г. Гарипова данный гидроним связывает с удм. и коми *вож* 'устье реки; приток; перекресток'. К удмуртскому пласту мы бы добавили *Кони йылгасы* (< удм. *коньы* 'белка'), *Куку йылгасы* (< удм. диал. *куку* 'кукушка'), *Камали инеше* (< удм. *камали* — женское чрепличное украшение из серебряных монет + тат. *инеш* 'речка, ручей, родник').

Обращает на себя внимание многочисленных гидронимы *Кирэмэт йылгасы* 'река Киремет' (всего 22 названия), *Кирэмэт чиммәсе* 'родник Киремет'-(10), *Кирэмэт куле* 'озеро Киремет'. Интересно, что подавляющее большинство этих названий выявлено в правобережных районах Камы и Нижней Вятки — в Сабинском, Арском, Пестречинском, Мамадышском, Кукморском, Балтасинском, где находится один из древних ареалов удмуртских топонимов и где, по свидетельству исторических документов, была Арская земля. В д. Казанбаш Арского района нам рассказали, что *киремет* — это место моления народа *ар*, татары-мусульмане считали его нечистым и никогда никаких обрядов там не совершали, а ары (удмурты) приходили на моление еще в начале 30-х годов. По описаниям этнографов, почитание киремети наблюдалось у южных удмуртов, марийцев, чувашей, отчасти у крещеных татар; он проник к ним от булгар; слово *киремет* арабского происхождения. В южных и центральных районах Удмуртии до революции в каждой деревне был свой *керемет* (древнее название *луд*), ныне ставший достоянием лишь топонимии.

Не все этимологии гидронимов, предложенные Ф. Г. Гариповой, можно принять без оговорок, например, *Муй* (тат. *Му*) *йылгасы*: по нашему мнению, восходит к удм. *мый* ~ *муй* 'бобр', а не к *му* 'земля'; *Чэйшур йылгасы*: по Ф. Г. Гариповой, *чэй* связан с тюрк. *чай* ~ *шай* ~ *сай* ~ *тай* 'река' + удм. *шур*, но не исключено, что первый компонент связан с удм. *чайы* 'норка'; *Коры Шерә йылгасы*: по Ф. Г. Гариповой, тат. *коры* 'сухой, высохший' + *шерә* < удм. *шур*, мы допускаем, что оба компонента удмуртского происхождения: *коро* 'с бревнами; богатый (в данном случае может заваленный) бревнами' + *шур* — подобных названий немало в удмуртской топонимии; *Кичкетаң чиммәсе*: название родника, как и самой деревни, идет от удм. *кеч* 'коза, заяц' + *кутон* существительное от *кутыны* 'поймать, схватить', букв. 'место, где поймали зайца (козу)'. Если принять во внимание современное написание татарской деревни, то получится: *кичке* 'вечерний' + *таң* 'звезда, рассвет', но со столь поэтическим названием не увязываются другие данные: в материалах переписей XIX в. ойконом записан в форме *Кичкутан*, что значительно ближе к удмуртскому оригиналу *Кечкутон*, — так до сих пор удмурты соседнего района называют татарскую деревню.

Работа содержит ценный фактический материал для топонимистов по тюркским и финно-угорским языкам. Как написано в предисловии, теоретический анализ гидронимии Татарии будет дан в готовящейся автором монографии.

М. Г. АТАМАНОВ (Устинов)

<https://doi.org/10.3176/lu.1985.4.15>

Е. И. Ромбандеева, М. П. Вахрушева, Мансийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ, издание второе, переработанное, под редакцией члена-корреспондента АН СССР Ю. Н. Караулова, Ленинград, «Просвещение», 1984.

По мансийскому языку за последние годы изданы монографии Е. И. Ромбандеевой «Мансийский (вогульский) язык» (1973) и «Синтаксис мансийского языка» (1979). Кроме того, для учащихся начальной школы опубликован «Мансийско-русский и русско-мансийский словарь», составленный Е. И. Ромбандеевой и Е. А. Кузаквой (1982),

Учащиеся педагогического училища и студенты Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, специализирующиеся по мансийскому языку, до сих пор пользовались учебником А. Н. Баландина «Мансийский язык» (1957), ставшим уже библиографической редкостью. К тому же учебник А. Н. Баландина страдает существенным недостатком: в нем не обо-

значены долгие гласные, имеющие смысло-различительное значение. Не разграничено в нем и обозначение твердых и мягких пар согласных *l—l̄, n—ñ, s—ś, t—t̄* перед *i*. В рецензируемом учебном пособии эти пары разграничены по мягкости-твердости перед звуком *i*: после твердых согласных рекомендуется *ī*, как в русском языке в подобных же позициях (ср. *сыграть*), после мягких — *i*.

Эти же уточненные изменения графики и орфографии были учтены уже в упомянутых монографиях Е. И. Ромбандеевой, в практической и художественной литературе. Так соблюдена традиция обозначения долготы гласных в трудах венгерских и финских исследователей мансийского языка XIX и начала XX вв. Уточнения в обозначении фонем, рекомендуемые в учебном пособии, несомненно, сыграют положительную роль в развитии письменности на мансийском языке и содействуют повышению грамотности учащихся средней и высшей школы.

Материал в рецензируемом пособии излагается доступным для учащихся языком, в то же время уровень изложения высок. Особенно следует отметить такие разделы, как введение, лексика, фонетика, глагол, порядок слов в предложении.

Во введении даются краткие, но углубленные по сравнению с прошлыми изданиями сведения по расседению манси, истории изучения мансийского языка, по истории письменности на мансийском языке. Учащиеся узнают имена известных финно-угроведов А. Регули, А. Альквиста, Б. Мункачи, А. Каннисто, находившихся длительное время среди манси, собравших большой и ценный диалектологический, фольклорный и этнографический материал в полевых условиях. Теплые слова адресуют авторы составителям первого мансийского букваря В. Н. Чернецову и И. Я. Чернецовой, преподавателям мансийского отделения Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Достоинство работы состоит в том, что в разделе «Лексика», рассказывая о словарном составе мансийского языка, авторы попутно приводят сведения из истории и этнографии манси. В главе «Омонимы», например, так объяснено совпадение в звучании слов *pal* 'половина' и *pal* 'нары': раньше половину жилища манси за-

нимали нары. Название рыбы *supig* 'осетр' одинаково с наречием *supig*, обозначающим понятие 'поперек': у осетра по бокам чешуя выглядит так, будто рыба имеет глубокие поперечные разрезы. Говоря об архаизмах, авторы отмечают, что большинство из них в современной мансийской среде имеет отрицательный оттенок: *pōjar* < рус. *боярин* — характеристика человека, склонного к безделью, *χōn* < тат. *хан* — о человеке, любящем грубовато распоряжаться и др. В качестве иллюстраций к правилам широко используются пословицы.

Авторы благосклонны в отношении диалектных слов, допуская сосуществование фонетических и морфологических диалектизмов для обогащения лексики литературного языка. Они считают, что время отберет в качестве литературной какую-либо из параллельных форм, например, *tag* или *tov* 'ветка', *talix* или *tolix* 'острие'.

В разделе «Глагол» нововведением является понятие наклонения неочевидного действия, которому в пермских языках соответствует категория прошедшего времени неочевидного или результативного действия. В мансийском языке глаголы неочевидного действия, кроме прошедшего, используются и в настоящем и в будущем времени.

Словообразование глаголов представлено детально с подробным описанием значений приставок и суффиксов. Лаконично и четко даны разделы об образовании и функциях причастий и деепричастий. В учебнике достаточно таблиц спряжения глаголов, склонения имен.

К недостаткам рецензируемого пособия «Мансийский язык» нужно отнести

- 1) отсутствие курсива и скобок при подаче перевода мансийских слов на русский язык (например, с. 11: *kol* дом, *sam* глаз и т. д.), т. е. графически не выделяются стоящие рядом мансийское и русское слова;
- 2) гласный звук среднего ряда, среднего подъема обозначен буквой *ы*, а не *õ*, как принято в родственных мансийскому пермских языках, или *õ*, как в эстонском;
- 3) на с. 19 написано, что «вероятно, под воздействием русского языка возникли и сформировались аналитические формы выражения будущего времени и каузативного значения глаголов.» Здесь нужно иметь

в виду, что в финно-угорских языках аналитические формы будущего времени с использованием в качестве вспомогательного глагола слова со значением 'хватать' появились уже давно (Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974, с. 310). Категория каузативности не характерна для славянских языков, это древняя черта финно-угорских языков (там же, с. 360); 4) непонятно, почему раздел «Состав слова», занимающий четыре страницы, помещен в конце книги, после приложения; 5) чтоб добиться грамотности на родном

языке, учащимся нужно выполнять много упражнений, к большинству же разделов для закрепления теоретических понятий предлагается лишь одно упражнение, что явно недостаточно. Следовало бы выпустить отдельной книгой сборник упражнений по мансийскому языку.

В целом «Мансийский язык» является не только достоянием студентов, но и новейшим исследованием грамматики современного мансийского языка, а поэтому представляет большой интерес для специалистов по финно-угроведению.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

Ю. А. Тулдава, Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики (на материале эстонского языка). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1984.

8 апреля 1985 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Юхана Тулдавы «Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики (на материале эстонского языка)» по специальностям 10.02.07 финно-угорские языки и 10.02.21 структурная, прикладная и математическая лингвистика. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин), Э. Вяари (Тарту) и Р. Г. Пиотровский (Ленинград).

Исследование Ю. Тулдавы имеет общей целью разработку и реализацию единого, т. е. квантитативно-системного подхода, т. е. комплекса исследовательских приемов и научных толкований, при изучении лексики в квантитативном освещении. Из общей цели, по мнению автора, вытекают частные задачи, которые концентрируются вокруг трех основных проблем: теоретико-методологические основы и методика исследования, вероятностно-статистические закономерности лексики, конкретный квантитативно-лингвистический анализ лексики эстонского языка.

Без сомнения, тема работы актуальна: с одной стороны, уже длительное время ощущается потребность в обобщающих трудах, касающихся самих методологических оснований квантитативной лингвис-

тики, с другой, системный квантитативно-лингвистический анализ эстонского языка важен не только как завершение одного из важных аспектов исследования эстонского языка, но и в сравнительно-типологическом плане. Данным проблемам посвящена многолетняя научная деятельность Ю. Тулдавы, итоги которой представлены в работе.

Исследование имеет общий объем 657 с. и состоит из предисловия, пяти глав и заключения. Приложение (241 с.) содержит 81 список слов и других лингвистических единиц вместе с частотными данными и 73 статистические таблицы.

Материалом исследования послужили прежде всего различные словари эстонского языка XVII—XX вв. и составленный под руководством и при личном участии автора частотный словарь авторской речи современной художественной прозы 1967—1980 гг. (100 тыс. словоупотреблений), а также другие материалы статистических исследований эстонского и иных языков.

Глава I («Теоретико-методологические основы квантитативно-системного анализа лексики») посвящена 1) обоснованию квантитативно-системного подхода к изучению лексики, 2) определению его отношений к лингвистическим аспектам языка и 3) методике исследования. Считается, что квантитативные методы эффективны только тогда, когда качественная